

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВОСХОЖДЕНИЕ, УПАДОК И ВОССОЗДАНИЕ — И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Арато

Профессор А. Арато — Председатель комитета по исследованию проблем демократии при Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, сотрудник Центрально-Европейского университета политических наук (Будапешт). Мы публикуем его доклад, представленный на XVI Конгрессе Международной ассоциации политических наук (Берлин, август 1994 г.), в рамках осуществления программы Национального демократического института международных отношений (НДИ).

Национальный демократический институт международных отношений (НДИ), штаб-квартира которого находится в Вашингтоне, является одной из ведущих организаций, занимающихся проблемами развития демократического процесса в странах, находящихся на переходном этапе от тоталитаризма к демократии. Основанный в 1983 г., НДИ проводит свои программы в более чем 70 странах, включая Россию, Украину, Казахстан, Киргизию, Грузию и др. Программы НДИ, проводимые в России с августа 1989 г. разделены на несколько главных направлений: методическая помощь представителям политических партий; содействие депутатам парламента РФ и консультации с ними; сотрудничество с представителями гражданских общественных организаций; сотрудничество с представителями органов местного самоуправления. В июне 1992 г. НДИ открыл постоянное представительство в России. Вы можете связаться с НДИ в Москве по телефону: (095) 956-63-37, факс (095) 241-23-66; адрес: Москва, Петроверигский пер., 10, к. 2.

Данная статья продолжает цикл публикаций НДИ в журнале "Полис" (см. "Полис", 1993, №№ 2-6; 1994, №№ 1-6; 1995, №№ 1-2).

Концепция гражданского общества была возрождена около двадцати лет назад в среде неомарксистских критиков социалистического авторитаризма, которые, предприняв на концептуальном уровне подобный шаг, при этом заменили на обратное одно из самых фундаментальных представлений Маркса и стали, таким образом, "постмарксистами". Возрождение данной концепции, очевидно, могло произойти — однако же не произошло — и в рамках какой-либо из многих других интеллектуальных традиций с приставкой "нео-" или "пост-": монтеスキанской, бёркианской, токвиллианской, или даже ласкианской, парсонсианской и т.д. Примечательно, что работы первопроходцев такого возрождения — Колаковского, Млынаржа, Вайды и Михника на Востоке, Хабермаса, Лефора (Lefort), Боббио на Западе, Узфорта, Кардозо и О'Доннелла на Юге — восходили к одним и тем же или схожим традициям западного, или неомарксистского дискурса. Для них определенное знание Гегеля, молодого Маркса и Грамши представляло готовые связующие звенья, позволяющие перейти к использованию концепции гражданского общества и дихотомии "государство — общество", являвшихся почти общепринятыми в XIX в. и почти исчезнувших в социальной и политической науке и философии XX в. На предыдущем этапе задача западного марксизма состояла в том, чтобы углубить марксову социальную философию, вернувшись к философским корням, и выявить сопряжения регегельянизируемого Маркса с некоторыми весьма специфичными работами в немарксистской философии — и в частности, с Вебером, Зиммелем, Кроче и Фрейдом. В то время были выведены на передний план такие концептуальные категории, как отчуждение, фетишизм, овеществление, рационализация, подавление, практика. По видимости аналогичную акцию представляло собой и возрождение концепции гражданского общества: наличие соответствующей категории у молодого Маркса оправдывало критический пересмотр и освоение идей еще одного ряда немарксистских мыслителей от Токвиля до Ханны Арендт. Однако на этот раз вместо того, чтобы использовать лучшее у Маркса, противопоставляя это лучшее худшему у него, в концептуальной стратегии обращения к гражданскому обществу во всех случаях речь шла о том, чтобы и молодого Маркса — привлекая для этого Грамши — перевернуть с ног на голову, с тем чтобы вновь развернуть концепцию, способную само критично зафиксировать на самой ранней стадии тот авторитарный поворот в своей собственной традиции, который послужил изначальным, *ab ovo*, звеном связи ее с государственным социализмом, с "коммунистической" политикой. Словом, требование молодого Маркса, чтобы разделение и разграничение государства и гражданского общества было преодолено, понято было теперь как

исходная точка и оправдание марксистского огосударствления всех аспектов социальной реальности.

Поначалу результатом предприятия явилась лишь новая, хотя и вряд ли неожиданная, концептуализация тоталитаризма — во Франции, а также, в особенности, в двух странах — Польше и Венгрии, которые, несомненно, не были "тоталитарными". Из этого ничем не примечательного начала мало что могло бы вырасти, кроме очередной — критической и полемической — концепции. Необыкновенный исторический успех возрождения концепции гражданского общества — в чем мне посчастливилось участвовать — состоялся благодаря тому, что в ней предвосхищалось, с чем она сливалась и что делала объектом интеллектуализации, — благодаря новой радиально-реформистской или же эволюционной — словом, двойной стратегии, направленной на преобразование диктатур, — сначала на Востоке, а вскоре после того в Латинской Америке, — на основе идеи самоорганизации общества, воссоздания общественных связей вне рамок авторитарного государства, а также апелляции к независимой публичной сфере минуя всякую официальную, контролируемую государством или партией коммуникацию. Используемая в таком духе, концепция гражданского общества стала общим ориентиром сначала в Польше, на какой-то период во Франции, затем (видимо, при посредствующем влиянии французских интеллектуалов) в Бразилии, после чего развернулась более широкая дискуссия вслед за первыми успехами "Солидарности" и движения *"abertura"* ["демократического прорыва"]. На протяжении 80-х годов дальнейшее концептуальное развитие шло рука об руку с формированием политических стратегий по крайней мере в Венгрии, Чехословакии, Югославии (особенно в Словении), России, Чили, Аргентине и Мексике. Как охваченные, так и не охваченные этим процессом в ходе его развертывания все больше прибегали к различным вариантам концепции гражданского общества для интерпретации ранее свершившихся переходных процессов (в особенности в Испании и Греции), а также успешной стабилизации авторитарных систем (прежде всего в Китае). По крайней мере в некоторых странах, где переходный процесс был успешным и где стратегия мысли действительно приобрела политическую роль, концепция гражданского общества превратилась прямо-таки в журналистский штамп. Это особенно справедливо для Венгрии. Наконец, во многих западных странах с устойчивым гражданским обществом ныне развернулась самая широкая дискуссия, в которой внимание сосредоточено на отыскании новых направлений (*loci*) потенциальной демократизации реально существующих демократий. Подобную возможность давно предвидели такие теоретики, как Хабермас, Лефор и Боббио, а Джин Коэн (*Jean Cohen*) и я смогли в этой области внести свой вклад в книгу "Гражданское общество и политическая теория" (1992), а также в статьях предшествующего десятилетия.

II

Но теперь, через два года, дела обстоят уже по-другому. И я должен признать, что многие из новых сомнений, которые всплыли, беспокоили меня давно.

Во-первых, на уровне общей социологии явно сомнительно, чтобы нечто не существующее (гражданское общество при тоталитаризме) могло тем не менее содействовать собственному освобождению. И пусть даже общества советского типа, а особенно Польша и Венгрия, не были тоталитарными, они во всяком случае не имели гражданского общества в смысле институционализированной, правовым образом разграниченной сферы общественной жизни, как оно, в частности, описано Гегелем и Токвилем. Значит, нужно было концептуально отличить неформальные социальные связи (*networks*), солидарные сообщества и взаимоотношения от более формализованных и институционализированных структур гражданского общества. Но самоорганизующиеся движения, инициативы, ассоциации, а также сообщества публичной сферы, приводящие

социальное в движение, тоже, в свою очередь, отличны как от латентных связей — носителей автономии общества, так и от институционализированного гражданского общества, каким мы его знаем на Западе. Таким образом, вместо единого понятия приходится выработать три, а затем и увязать их между собой достоверным, историческим образом. В своей книге мы так и делаем отчасти, различая гражданское общество как движение и как институт: первое — как своего рода учредительное гражданское общество, которым создается второй — учреждаемая, институционализируемая его версия. Однако временное соотношение между этими формами не является вполне самоочевидным. Некоторые формы институционализации допускают возникновение, опять-таки, движений и инициатив, которые, в свою очередь, могут быть, а могут и не быть нацелены на очередной институциональный прорыв — разница, которая схватывается проводимым нами различием между революцией и гражданским неповиновением. Гражданское неповиновение, соединенное с общественными движениями или инициативами, представляет внешние пределы коллективных действий внутри гражданского общества и значимым образом отличается от гражданского общества, организованного как движение.

Сегодня, однако, я нахожу, что кроме проведения различия между гражданским обществом как движением и как институтом, нам требуется вновь ввести нечто похожее на дюркгеймовское понятие "социального", или на тот род системы связей (networks), который предполагается и выстраивается в литературе последних лет по социальным движениям. Но в то время как связь между движениями и "социальным" подробно исследуется в этой литературе, у нас нет еще достаточно развитой социологии права и прав, которая делала бы то же самое в отношении "социального" и институционализированного гражданского общества.

Во-вторых, на уровне политики опыт совершившихся переходных процессов в странах с наиболее активными общественными движениями и инициативами научил нас тому, что одно только гражданское общество ни в рамках стратегии самоограничения, ни даже на путях революционной стратегии само по себе не может осуществлять смену режимов. В том, что касается революций, мы давно знали, что во всех современных революциях в ходе физической борьбы за власть действие оказывается сосредоточено в руках элит, которые настроены — или, как правило, становятся настроены — враждебно по отношению к самоорганизации снизу. Но теперь мы также знаем, что и в ходе послереволюционных переходных процессов (революций против Революции, которые не являются контрреволюциями) имеет место смещение действия на уровень политических элит, контрэлит или политических партий. Только они могут выполнять стратегические задачи ведения переговоров, заключения сделок и разработки соглашений с элитами, обладающими властью в прежних режимах. Как показывает разработанная Адамом Пшеворским игровая теоретическая модель, для четырех акторов, гражданское общество может рассматриваться как один из акторов в ходе такого процесса; но для политических элит, а также, как предполагается, и для успеха переговоров важно, чтобы гражданское общество было демобилизовано на пути к соглашению, ведущему к демократическим выборам.

Следуя предложению Альфреда Штепана (Stepan), мы приняли различие гражданского и политического общества (имевшееся уже у Токвиля), чтобы иметь дело с двумя уровнями жизни общества, задействованными в процессах перехода и, как мы теперь понимаем, в демократических обществах вообще. В отличие от большей части литературы по процессам перехода, мы все же не считаем, что смещение от гражданского общества к политическому в процессе смены режима неизбежно ведет к полной демобилизации и атомизации гражданской сферы. Более того, мы полагаем, что стабилизация демократии и ее будущие перспективы демократизации зависят от развития комплексной и обоюдной связи между гражданским и политическим. Аналогичным образом, далее, необходимо различать экономическое общество, выделяемое на основе

форм собственности, и чисто экономические ассоциации, отличая то и другое от политического общества, выделяемого на основе избирательного права и политических партий, и от гражданского общества, выделяемого на основе прав в области коммуникации, а также от гражданских ассоциаций и движений. В итоге получается пятичастная конструкция, которой мы заменили традиционный дуализм государства и общества. К сожалению, мы не можем претендовать на то, что разрешили проблему возможных и желательных форм взаимодействия между этими пятью уровнями, от которых, тем не менее, зависит, как мы полагаем, будущее демократии.

В-третьих, на методологическом уровне анализа понятий концепцию гражданского общества по-прежнему преследуют смысловые неопределенности. Даже после отграничения его от политического и от экономического общества — операций, остающихся спорными, — все еще неясно, что именно в первую очередь несет с собой измерение гражданского общества. Мы сами часто говорили о том, что ассоциациям, а также сообществам публичной сферы придают стабильность основные права [и свободы] (объединения, собраний, слеза, печати и частной жизни) и что они осуществляют свою деятельность в рамках нормативной логики коммуникативной координации действий в хабермасовском смысле. Следуя давней мысли Хабермаса, мы подчеркиваем множественность сообществ публичной сферы. В связи с этим, однако, возникает проблема, заключающаяся в том, что своя общественность имеется в тех — дифференцированных сферах общества: в науке, искусстве, юриспруденции, религии и т.д., — допуск в которые не может быть демократическим. Между тем во многом именно здесь осуществляется последовательная во времени (consequential) общественная коммуникация. Кроме того, ассоциации не располагают одним и тем же уровнем: различны масштабы, логика, временная и пространственная протяженность и политическая роль неформальных групп, добровольных ассоциаций, экспертных и профессиональных организаций, лоббирующих групп и т.д. Они отличаются, в свою очередь, от движений, которые различаются между собой по своему собственному уровню организации, по количеству занимающих их проблем, по роли, какую играют в их строении и характере интересов, способ формирования идентичности и потребность в самовыражении, и т.д. Имеется, как известно, специальная социологическая литература о различных формах жизнедеятельности групп и движений, и должна существовать (однако же не существует) такая же литература о различных сообществах публичной сферы. Неизбежно возникает вопрос: в чем смысл именования всего этого сложного набора категорий гражданским обществом? |

Можно, конечно, обратить тот же вопрос и на экономику и государство. Однако в этих случаях категории денег и (политической) власти все же указывают на основные признаки различия. Хотя, с нашей точки зрения, логика коммуникативной координации действий, как она реконструирована Хабермасом, в принципе и разрешила проблему применительно к гражданскому обществу, однако при обращении к нашей пятичастной модели возникают новые трудности. Могут ли, например, политическое и экономическое общество, их [соответственно] парламенты и правления исключить свободную коммуникацию? Могут ли ассоциации гражданского общества исключить деньги и власть? Если нет, то имеем ли мы дело с вопросом принципа или лишь степени, переходя от гражданского общества к политическому и обратно? Нашей трактовкой категории гражданского общества в качестве некоей соединительной арки такое различие предполагается как принципиальное. Соответственно, первенствующее значение коммуникативной координации действий в обширном ряду институтов представляет основание для единства категории гражданского общества. К сожалению, мы смогли лишь проиллюстрировать данное положение некоторыми существенными примерами. Один из них — временные, социальные и материальные пределы парламентской коммуникации в сравнении с открытыми, не ограничиваемыми коммуникационными процессами, возможными в семьях, университетах, общественных средствах коммуникации. Другой пример — это явно патологический, в сравнении с корпоративными правлениями или политическими

партиями, характер тех семей, газет, университетов и т.д., чья первостепенная (а не второстепенная) цель состоит в накоплении для своих членов денег или обеспечении для них власти.

Единство гражданского общества, однако, явно лишь с нормативной точки зрения. Очевидно, что существуют многие ассоциации гражданского общества, где деньги и власть составляют действительную подоплеку; существуют и политические партии, которые ведут себя как общественные движения и стремятся, например, воплотить антибюрократическую логику, логику прямой демократии. В этом последнем случае создающиеся осложнения выявляются соображениями, развиваемыми с функциональной точки зрения, с их сугубо эмпирическими прогнозами (вроде михельсовского железного закона олигархии). Так, мы можем сказать, что если институты политического общества не дифференцированы как таковые с самого начала, они либо потерпят провал, либо в конце концов трансформируют себя в стратегически оправданном направлении. Подобные соображения неприменимы к области гражданского общества, хотя, конечно, за определенным порогом (точное местоположение которого нельзя указать а priori) "колонизация жизненного мира" также могла бы приводить к распаду социальной интеграции. В этом контексте все, что у нас остается, — это нормативный, критический критерий, всегда в какой-то мере противостоящий фактам.

В-четвертых, однако, и на уровне нормативной теории есть проблемы с концепцией гражданского общества. О концепции, соединяющей либеральные и демократические категории — категории прав и участия, можно спросить: что она добавляет к либерализму и к теории демократии? Подобную проблему выдвигает и явное размывание дифференцированности либерально-демократической и республиканской перспектив, которые содержит в себе центральная категория публичной сферы. На это можно возразить, приведя тот довод, что, во-первых, при их аналитическом рассмотрении по отдельности либерализм, теория демократии и республиканизм способны разворачивать свои специфические концепции четче, богаче и менее прозаично, а во-вторых, с другой стороны, противоречия между этими концепциями не следует приумножать, прибегая к аналитически недостаточно четким формам концептуализации. К тому же, как нам представляется, эти три нормативные перспективы являются [взаимно] противоречивыми, очевидно, лишь при тех или иных специфических интерпретациях каждой из них. Концепция гражданского общества определенно помогает находить такие интерпретации либерализма, демократии и даже республиканизма, которые делают эти политические философии действительно совместимыми.

Наш подход, не игнорируя потенциальных напряженностей, таким образом, способствует некоторому синтезу между политическими философиями. Конечно, он сохраняет зависимость от формирования концепций в собственно политической философии и собственно философии права и не стремится вытеснить философскую рефлексию. Для этого концепция гражданского общества слишком эмпирична и социологична и остается слишком приближена к дискурсу политических акторов. Правда, это порождает другое, пожалуй, более серьезное возражение. Не следовало ли бы строго разграничивать нормативные, философские проблемы (concerns) и проблемы эмпирические, социологические? Такого разграничения требовали бы неокантианские и родственные им аналитические философские доводы, равно как и социологическая теория строгого разграничения подсистем, включая подсистемы науки и философии. Сколь, однако, ни важно аналитическое разграничение с чисто теоретической точки зрения, но с точки зрения действий важно поднимать вопросы, связывающие разные области между собой. Поначалу, в первом приближении, развитие политической теории, даже теории демократии может рассматриваться как самоцель. Но с точки зрения акторов главный вопрос всегда должен относиться к шансам институционализации нормативно желательного,

превращающегося тем самым в проекты. И наоборот, во многих эмпирических ситуациях акторы, ищущие ориентации, должны обращаться как к социально-научным диагнозам, так и к нормативным аргументам. Те и другие будут релевантны для акторов лишь будучи опосредованы теорией среднего уровня, которая одновременно и вышла на вопросы возможной институционализации, и сформулировала себя на языке, близком к языку самих акторов. В обоих случаях теория гражданского общества дает важные сопрягающие идеи (notions), допускающие эмпирическую мобилизацию нормативных концепций одновременно и без избытка утопии (какой, несомненно, породила бы непосредственная нормативная теория), и без некритического отношения к эмпирической политической реальности (какое явилось бы результатом полного игнорирования нормативных предписаний).

Наконец, отчасти принимая требование разграничения между наукой, философией и политикой как подсистемами, мы отвергаем идею в духе Лумана, что между этими сферами не может быть низкой коммуникации. Мы, более того, настаиваем на возможности коммуникации между всеми специализированными, экспертными сообществами публичной сферы. Конечно, это требует наличия недифференцированных, неэкспертных сообществ публичной сферы, где может происходить после довательная во времени коммуникация по проблемам, представляющим общий интерес. Луман сам признавал существование подобных субъектов общественности применительно к периоду просвещения. Однако и сегодня в различных формах — менее всеобъемлющих, более сложных — таковые продолжают существовать в средах массовой информации и в университетах, если упомянуть лишь две ключевые среды. Такая публичная сфера является сегодня и компонентом гражданского общества, и ключевой социологической предпосылкой для использования самой этой категории. Нам требуется знать гораздо больше о его структуре и отношениях с экспертными сообществами публичной сферы, а также с контингентами политического и экономического общества.

III

Так, в общих чертах, выглядят сегодня некоторые основные теоретические возражения в отношении использования концепции гражданского общества, а также направления, на которых можно искать контрвозражения. Но было бы серьезной ошибкой полагать, что выдвижение критических возражений в отношении использования категории гражданского общества — это лишь дело, касающееся теории. В Восточной и Центральной Европе, где концепция гражданского общества до сих пор представляет важный политический ориентир, возражения и критика в значительной части сами мотивированы политически. И я не имею в виду в первую очередь защитников авторитарного правления или людей, охваченных ностальгией по условиям прошлого. Наиболее серьезные возражения исходят от прежних союзников, некогда объединенных под знаменем освобождения гражданского общества.

В соответствии с дуалистической формулой, предусматривавшей воссоздание гражданского общества, единое общество выстраивалось против неизменного государства-партии как своего врага; "мы" против "них". В таком контексте весьма различным идеологическим ориентациям было не только легко, но было даже необходимо — для того, чтобы вообще принять участие в политике, — стать на сторону единого всеобщественного движения, с его самоограничением. Не только универсалисты, реформисты, радикалы и социал-демократы, но и националисты, революционеры и сторонники экономического либерализма не имели иного выбора, кроме как каждому присоединиться к борьбе за возведение институциональных опорных пунктов, выгодных и для всех других краткосрочных или долгосрочных проектов — в каждом случае ограниченных определенными пределами, никоим образом не допускающими полномасштабного проведения своей собственной идеологической программы.

Во всех случаях, однако, имелись оговорки, которые получили открытое выражение в свободной публичной сфере в Польше после ослабления Солидарности: программа, ориентированная на гражданское общество, была слишком коллективистской для либеральных экономистов, слишком космополитической для националистов, слишком оборонческой для революционеров, слишком либеральной для неомарксистских защитников классовых интересов, слишком популистской для *Realpolitiker* (реальных политиков. — *Прим. ред.*). С исчезновением противника все эти течения обратились друг против друга и против сторонников — а также и самой программы — такого демократического гражданского общества, какое могло бы быть минимальной базой консенсуса между многими из них. Нарастание популистского возмущения против правительства Мазовецкого и реформы Бальцеровича, феномены Валенсы и Тыминьского, с одной стороны, и ранее происходившая фрагментация польской партийной системы — с другой, были двумя сторонами некоторого комплекса, когда партии, не надеясь на консенсус, делят пространство политики, имея перед собой самодемократизирующееся общество, которое, будучи лишено гражданских каналов участия, превращается в популистское.

В Венгрии, конечно, программа, ориентирующаяся на гражданское общество, никогда не соответствовала некоему цельному, единому движению. Венгерское общество периода после 1956 г. было для этого и слишком апатичным, и слишком индивидуалистичным. Тем не менее венгерская демократическая оппозиция во главе с Яношем Кишем, группировавшаяся вокруг самиздатского журнала "Беселё", приняла — в модифицированной и в конечном счете более усложненной форме — польскую модель "радикал-реформизма", сердцевину которой составляло воссоздание гражданского общества и независимой публичной сферы — того и другого снизу. К 1988 г. возникло необычайно много независимых групп, сформировавших ряд сложных, переплетающихся коалиций, выступивших — во всех случаях — под знаменем демократического гражданского общества в новой Центральной и Восточной Европе, за политическую демократизацию и создание подлинно современной, рыночной экономики. Даже на выборах в марте 1990 г. 55% населения проголосовало за партии, родившиеся из этой традиции. Если бы они объединились для формирования первого переходного правительства, Венгрия была бы сегодня страной с более благоприятной обстановкой, безусловно с более сильным правительством, с менее расколотой культурой, страной, дальше продвинувшейся на пути к рыночной экономике, и, возможно, страной с менее угрожаемым гражданским обществом.

Этого не произошло, и отчасти из-за несостоятельности политической теории. Вместо того чтобы работать над своим собственным проектом и над достижением собственного успеха, участники стали делать упор — в качестве единственного, что достойно подражания — на европейском настоящем или на венгерском прошлом. Но и в Венгрии некоторые из тех, кто в 1988 г. были поборниками гражданского общества, к 1990 г., как оказалось, выдвигали в повестку дня другие, явно несовместимые между собой наборы программных положений. Я полагаю, что многие из идейных (*intellectual*) возражений против использования категории гражданского общества отражают одно или несколько из числа нижеследующих соображений. Для революционеров, которые хотели осуществлять чистку и карать, идея самоограничиваемой революции была слишком ограничивающей, ориентация на гражданское общество была слишком законнической и постепенной. С точки зрения новых профессиональных политиков открытость каналов коммуникации группам вне партий и парламентов нарушала их узкую концепцию демократии, которая восходила не столько к западным идеалам, сколько к западной элитарной практике демократии. Говоря без обиняков, такая открытость ставила под угрозу и их воображаемую новую монополию на власть. Поборникам экономического либерализма, воображающим себя буржуа, после того как они призывали в своих памфлетах к гражданскому обществу как к единственно возможной среде для появления рыночной

экономики, общество профсоюзов, экологов, ассоциаций потребителей стало казаться роскошью, под обаянием только развитым западным экономикам. На данный же момент можно обойтись минимальным гражданским обществом, организованным вокруг защиты собственности. Таким образом, они оказываются заодно с элитарными демократами, желающими сохранить политику в изоляции от подключения мощностей общества. Ни те, ни другие явно не отдают себе отчета в том, что одного лишь тонкого слоя легитимности, которая приобретает посредством демократических выборов, не будет достаточно для населения, испытывающего глубокие экономические трудности. На циников — если обратиться к другому флангу — интересуют воображаемая общность целого, изживающая проблемы прошлого, а не реальные общности, стал кивающими с вызовами следующего столетия. Современных постматериальных ценностей [актуализирующихся] вокруг новых социальных движений, они страшатся более всего. Наряду с защитниками классовых [интересов] они имеют тенденцию канализировать социальный протест, намеренно или ненамеренно, в популистских направлениях, как то мы обнаружили в случае одной партии в венгерском обществе, организованной на классовой основе, — Партии мелких арендаторов (FKGP), а также в случае полностью возрожденного, прежде официального рабочего союза (MSZOSZ), который ныне играет видную роль в социалистической партии.

Общим для всех этих политических дискурсов является цель вытеснения дискурса и политики гражданского общества формами мышления, уже дискредитированными в прошлом. И тем не менее их совокупное воздействие привело к подрыву основной линии развития концепции гражданского общества, особенно в среде интеллектуальных элит центрально-европейских стран, как Польша и Венгрия. Даже среди интеллектуалов с социально-радикальными воззрениями, составлявших прежде демократические оппозиции, использование категории гражданского общества является ныне спорадическим и определяется тактическими соображениями. Даже в происходившей в Венгрии великой битве за свободу средств массовой информации категория гражданского общества, которая могла бы занять в этой борьбе центральное место, играла меньшую роль, чем можно было бы себе представить несколькими годами ранее.

IV

Я не могу в этой работе ставить перед собой задачу описывать ход дальнейшего (в Венгрии весьма широкого) распространения концепции гражданского общества в Центральной и Восточной Европе перед лицом критики, исходящей из разнообразных источников. Не могу я и вдаваться в социологические или политические подробности этого процесса в Венгрии, где продолжалось развитие ассоциативной активности и гражданских инициатив после первоначальной "партизации" общественной жизни и где со времени осуществления переходных процессов возникло несколько значительных новых движений как на левом, так и на правом фланге. В настоящее время эмпирическая работа, в которой показываются и анализируются эти тенденции, готова лишь частично. Я могу лишь высказать свои общие впечатления о текущем состоянии дискурса гражданского общества, по крайней мере в Венгрии. Хотя и верно, что многие из тех, кто поначалу использовал данный термин для своей политической ориентации, сегодня к этому, кажется, больше не прибегают, тем не менее, как мне представляется, использование этой категории стало более распространенным явлением, чем когда-либо. Не проходит и дня, чтобы в прессе не появлялись статьи, обсуждающие положение гражданского общества или излагающие точку зрения гражданской сферы. Их содержание может касаться местного самоуправления или добровольных ассоциаций, местных или общенациональных организаций, отстаивающих общие интересы, выступающих за развитие образовательных или культурных учреждений. И внимание свое акторы гражданского общества, кажется, сосредоточивают на двух своих оппонентах: это партии, явно пытающиеся монополизировать организационную

жизнь, и правительство, вновь проявляющее авторитарные и централистские тенденции. В обоих случаях возрождение гражданского общества и его дискурса обнаруживает и свою проблематичную сторону. В отношении партий не всегда ясно, стремятся ли поборники гражданского общества дополнить или же вытеснить парламентскую демократию. И хоть и верно, что партийные политические акторы, не создавшие достаточных каналов для подключения юридически частных организаций к политике, должны прежде всего сами себя винить за антиполитическую настроенность в обществе, но верно и то, что многие формы гражданского протеста способствовали прискорбной тенденции, девальвирующей парламентские формы и партийную конкуренцию. По крайней мере в одной из своих форм язык гражданского общества стал обслуживать некоторые из новых популизмов, вопреки тому, что социальные предпосылки демократического гражданского общества остаются несовместимы с популистской политикой.

Формы гражданского протеста, кажется, менее двусмысленны в отношении нового авторитаризма правительства, проявляющегося в Венгрии в его политике в области культуры и средств информации, в его отношении к несогласным, в его централизованном подходе к местному самоуправлению и в его стремлении как только можно уклоняться от консультации с заинтересованными организациями. Конечно, лозунг "меньше государства" и "меньше централизации" вполне совместим с потребностью в сильном правительстве. И все же нынешняя роль Демократической хартии, клуб "Гласность" и Независимый форум юристов, напоминающие подобную же деятельность на последних этапах коммунистического режима, заставляют вновь поставить вопрос, касается ли складывающаяся на базе гражданского общества политика только лишь авторитаризма правительства и стала ли бы она поэтому больше не нужна с консолидацией либеральной демократии.

В нашей работе мы старались показать как взаимную дополнительность политики, ориентированной, соответственно, на гражданское общество и на партии, так и необходимость того, чтобы расширение (и даже защита) прав и демократии мыслилось в качестве постоянной перспективы даже при демократических формах правления. Вместо того чтобы вновь повторять эти тезисы, мне кажется более плодотворным перечислить теперь вкратце некоторые относящиеся к теме исследовательские проекты, которые могли бы эти заявки подкрепить. Каждый из этих проектов, в случае осуществления, помог бы аналитически разграничить измерения исследований по гражданскому обществу и мог бы оказаться полезен любым будущим идейным и политическим течениям, какие вновь пожелали бы сориентироваться на проблему демократизации гражданского общества.

Следующие проблемные области кажутся мне важными в настоящее время:

1. Проблема демократической легитимности. Мы нуждаемся в исследованиях, способных раскрыть различие между демократической легитимностью, обеспечиваемой правовыми, процедурными предпосылками электоральной и парламентской политики, и более широкими "процедурами" демократической публичной сферы, в которых способна участвовать обширная система ассоциаций. Нам требуется быть в состоянии эмпирически различать типы, уровни и продолжительность поддержки, оказываемой правительствам в рамках более узких процедур политического общества и в рамках более открытых демократических процедур гражданского общества.

2. Проблемы конституционализма. Нам требуется изучать возможную роль гражданского общества, его ассоциаций и складывающейся в нем политики в конституционном творчестве, в обеспечении стабильности конституций и в развитии конституционного патриотизма. Но мы должны открыто, но вместе с тем критически, исследовать, можно ли, и в какой степени, сделать конституции также

и конституциями гражданского общества, а) недвусмысленно обеспечивая каналы участия и б) укрепляя политически значимые гражданские ассоциации посредством регулирования их внутренней жизни и ограничения форм, в которых они борются за политические влияния.

3. Проблема механизма демократии. Мы знаем, что представительная демократия существует в различных формах. Однако мы знаем слишком мало об отношении ее разновидностей: консенсусной, системы относительного большинства и мажоритарной системы, президентской и парламентской форм правления, федерализма и унитарного государства — к развитию ассоциаций и субъектов публичной сферы в качестве активных участников формирования общей воли. Много существует сегодня возможных комбинаций имеющихся форм демократических институтов, и нам требуется определить последствия различных комбинаций для гражданского общества. Здесь большой простор для эмпирических сравнений и для творческих предложений тех или иных способов устройства. В настоящее время мало выдвинуто действительно убедительных доводов в пользу предпочтения тех или иных типов и вариантов демократии. Есть основания надеяться, что точка зрения гражданского общества должна дать такие доводы.

4. Соотношение политического общества и гражданского общества. Местное самоуправление и общенациональные политические партии напоминают (хотя и совершенно по-разному) ассоциации гражданского общества. В XIX в. Токвиль уже много думал над взаимным отношением этих форм. Сегодня, однако, мы не можем использовать для работы его резкое идеально-типическое противопоставление американской гражданско-децентрализованной и французской квазивоенно-централизованной политических структур. Нам требуется выявить воздействие различных моделей местного самоуправления и различных партийных систем на гражданское общество. В отношении местного самоуправления важно будет документировать политические возможности, которые означает для ассоциационной жизни децентрализация. Но нам необходимо также выяснить, не может ли крайний локализм при вести к провинциализации гражданских институтов, чья телеология сегодня транслокальна или даже транснациональна. Что касается партийных систем, мы должны исследовать влияние числа партий, уровня и типа поляризации, а также их организационного строения на различные модели ассоциационной жизни. Следует учитывать и документировать воздействие двух форм размывания дифференциации: это партийная поляризация гражданской жизни, возможная и в многопартийных системах; и проникновение движений и публичных субъектов гражданского общества в политическое общество.

5. Мы должны вернуться к вопросу о средствах информации как первостепенной проблеме для тех, кто заинтересован в демократической публичной сфере. Из работ исследователей франкфуртской школы, несмотря на односторонность их анализа, мы знаем о проблемах, какие возникают для свободной коммуникации вследствие внедрения в эту сферу товарных отношений и ее коммерциализации. Но мы также знаем, что правительственное проникновение и контроль превращают средства информации в приводные ремни политики. Я полагаю, дальнейшие исследования покажут, что выбор на самом деле — не между превращением культуры в товар и пропагандой. Государственная собственность и корпоративное финансирование не обязательно означают подчинение публичной сферы. Надо сопоставить различные модели средств общественного обслуживания и исследовать возможные пути такого освоения правового и финансового внедрения государства и экономики, чтобы в необходимых границах сохранялась независимость общественности. Требуется, далее, исследовать отношение ее профессионально разграниченных континентов к тем формам общественной коммуникации, где можно без ограничений профессионального свойства обсуждать предложения и доводы, исходящие из областей специального знания.

Необходимо показать возможную роль средств общественного обслуживания в отношении такой недифференцированной публичной сферы гражданского общества.

6. Наконец, мы должны исследовать проблему глобализации гражданского общества; очевидно, что многие из наиболее значительных организаций гражданского общества являются ныне глобальными по своей сути. Это, в особенности, верно по отношению к организациям, чья деятельность посвящена утверждению основных параметров гражданского общества, какими являются права человека. Аналогичным образом, международный характер присущ сегодня всем по-настоящему общественно значимым сферам гражданского общества. Нам необходимо исследовать отношение глобальных ассоциаций и контингентов мировой общественности к местным обществам и культурам, а равно и к национальным государствам и международным правительственным организациям.

Я, конечно, не считаю, что только эти шесть областей исследований достойны внимания тех, кто стремится превратить теорию гражданского общества в более дифференцированный набор инструментов анализа, в более надежное орудие мысли на предстоящие десятилетия. Но я уверен, что и благоприятные результаты только в этих областях значительно продвинули бы дело к узаконению концепции гражданского общества в сфере социально-научных дискуссий. Собственно, позитивные результаты в любой из этих областей явились бы немалым подспорьем для тех, кто уже задействован в политике гражданского общества и стремится к лучшему осознанию смысла собственных действий.